

Стороженко. № 15.

А. Стороженко.

Балая Россия или Украина?

Цѣна 1 руб.

СК
Постовъ на Днѣпу.

1919 г.

Походъ татаръ на Русь въ XIII-мъ вѣкѣ былъ предпрія-
тіемъ планомърнымъ. Все въ немъ было взвѣшено, разсчитано,
обдумано и предусмотрѣно. Превосходная штѣнскія организа-
ція непрерывно освѣдомляла татарское правительство о полити-
ческихъ и объ экономическихъ обстоятельствахъ не только на
Руси, но также въ Венгрии и Польши,—въ тѣхъ странахъ, куда
предполагали устремиться татары. Татарскіе шпіоны направляли
иногда въ нужную сторону мѣстныхъ дѣла враговъ; напр., въ
Венгрии они сумѣли возбудить междусобіе и натравить на ко-
роля Бѣлу его подданныхъ, чтобы ослабить сопротивляемость
венгровъ. Татары шли побѣждать наѣрника.

Силы русскихъ князей, ослабленные автономными стремле-
ніями земель и городовъ, не могли, конечно, оказать татарамъ
организованного, стойкаго отпора. Татары быстро подчинили се-
бѣ Русь; „всі князи Русціи въ воли татарьской покорени“, по
выраженію лѣтописи. Главный ударъ былъ нанесенъ старому
русскому центру Кіеву. Французскій ориенталистъ Казнь наход-
итъ этому причину въ проискахъ агентовъ Венеции, которая
видѣла въ Кіевѣ торгового соперника, урывавшаго у нея часть
выгоды отъ снабженія европейскими товарами Дальняго Востока.
Кіевъ и все Приднѣпровье были обращены въ пустыню. Франци-
канскій монахъ въ Перуджія Иоаннъ де-Плано-Карпини, послан-
ный папою къ татарскому хану въ 1246 году, т. е. шесть лѣтъ
спустя послѣ Батыева нашествія, проѣхалъ юго-западную Русь
отъ Владимира-Волынскаго до Кіева и затѣмъ вдоль Днѣпра до
перегородъ, откуда свернулъ на востокъ въ Азію. Вотъ какъ онъ
выразилъ свое впечатлѣніе отъ видѣннаго:

„Татары пошли противъ Руссії и произвели великое избѣ-
ніе въ землѣ Руссіи, разрушили города и крѣпости и убили лю-
дей, осадили Кіевъ, который былъ столицей Руссіи, и послѣ
долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда,
когда мыѣхали черезъ ихъ землю, мы находили безчисленныи
головы и кости мертвыхъ людей, лежавшія на полѣ; ибо втогъ

городъ былъ весьма большой и очень многолюдный, а онъ сведенъ почти ни на что: едва существуетъ тамъ домовъ, а людей тѣхъ держать они въ самомъ тяжеломъ ствѣ. Подвигаясь отсюда, они сраженіями опустошили Руссію".

Покоривъ Русь, татары заняли своими ордами югъ-вѣные ея рубежи, отъ Волги до Днѣстра, и вклинились Рыльска и Воргола, Ахматовыми слободами, между Приднѣпровскою и Русью Залѣсской, т. е. лежавшую отъ за Брянскими или Брянскими лѣсами. Заглохи, залегли стѣли и травой поросли отъ одной Руси къ другой дороги мѣзжія, неокольныя. Получилось двѣ Руси.

Вѣсти о расщепленіи Руси достигли вскорѣ до византийскаго императора и до вселенскаго патріарха константино-скаго, у которыхъ въ іерархическомъ подчиненіи пребывали трополитъ кіевскій и всея Руси. Обоимъ приходилось сносить Русью по дѣламъ церковнымъ.

Византійскіе греки замѣняли въ имени Русь звукъ *у* комъ *о* и называли русскихъ народомъ Россъ или Россія; страну ихъ—Россіей. Этому находятъ два объясненія: или *и* по ученому домыслу отождествляли Русь съ упоминаемъ пророка Езекіїля народомъ Рошъ, или они переняли произношеніе отъ какског-нибудь тюрко-татарского племени, и отъ хазарь, ибо у тюрко-татарами выговаривается иногда, о. Греческое произношеніе въ именахъ Россъ и Россія, ученое, принятное образованными людьми, было усвоено съ Русью и удержано въ имени Россія до нашихъ дней.

Когда Русь или—по гречески—Rossia, распалась на-дявилась необходимость отличать одну Русь отъ другой какъ-нибудь опредѣленіемъ. Византійцы воспользовались готов географическими терминами: страна Малая или Великая, уна-дованными ими отъ классической древности.

Древне-греческіе и римскіе писатели опредѣляли страну, къ Малую или Меньшую (въ сравнительной степени), не пото что она занимала незначительную площадь, но, главнымъ об-зомъ, въ томъ смыслѣ, что она являлась исконнымъ мѣстомъ бытіемъ или прародиной одного народа или нѣсколькихъ вѣтвенныхъ племенъ,—въ смыслѣ, такъ сказать, первоначалъ

Походъ татаръ на Русь въ XII-мъ вѣкѣ былъ предпріемъ планомърнымъ. Все въ немъ было взвѣшено, разсчитано, думано и предусмотрѣно. Превосходная штатская организація непрерывно освѣдомляла татарское правительство о политическихъ и объ экономическихъ обстоятельствахъ не только на си, но также въ Венгрии и Польши,—въ тѣхъ странахъ, куда едполагали устремиться татары. Татарскіе шпионаы направляли огда въ нужную сторону мѣстныя дѣла враговъ; напр., въ Венгрии они сумѣли возбудить междуусобіе и натравить на коля Бѣлу его подданныхъ, чтобы ослабить сопротивляемость нгровъ. Татары шли побѣждать навѣрняка.

Силы русскихъ князей, ослабленные автономными стремлениями земель и городовъ, не могли, конечно, оказать татарамъ организованнаго, стойкаго отпора. Татары быстро подчинили себѣ Русь: „все князи Руссіи въ воли татарьской покорені”, по выражению лѣтописи. Главный ударъ былъ нанесенъ старому русскому центру Кіеву. Французскій ориенталистъ Каэнъ находитъ этому почину въ проискахъ агентовъ Венеции, которая здѣла въ Кіевѣ торговаго соперника, урызгавшаго у нея часть ягодъ отъ снабженія европейскими товарами Дальн资料го Востока. Кіевъ и все Приднѣпровье были обращены въ пустыню. Французскій монахъ въ Перуджіа, Иоаннъ де-Плано-Карпини, посланный папою къ татарскому хану въ 1246 году, т. е. шесть лѣтъ пустя послѣ Батыева нашествія, проѣхалъ юго-западную Русь тѣ Владимира-Волынскаго до Кіева и затѣмъ вдоль Днѣпра до ороговъ, откуда свернулъ на востокъ въ Азію. Вотъ какъ онъ изразилъ свое впечатлѣніе отъ видѣннаго:

„Татары пошли противъ Руссіи и произвели великое избѣсение въ землѣ Руссіи, разрушили города и крѣпости и убили людей, осадили Кіевъ, который былъ столицей Руссіи, и послѣ долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы вѣхали черезъ ихъ землю, мы находили безчисленныя оловы и кости мертвыхъ людей, лежавшихъ на поляхъ; ибо въ эти-

городъ былъ весьма большой и очень многолюдный, а онъ сведенъ почти ни на что: едва существуетъ тамъ домовъ, а людей тѣхъ держать они въ самомъ тяжелсмѣствѣ. Подвигаясь отсюда, они сраженіями спустошили Руссю".

Покоривъ Русь, татары заняли своими ордами югс-вные ея рубежи, отъ Волги до Днѣстра, и вклинились Рыльска и Воргола, Ахматовыми слебодѣми, между Приднѣпровскою и Русью Залѣсской, т. е. лежавшую отъ за Брынскими или Брянскими лѣсами. Заглохли, залегли, стѣли и травой поросли отъ одной Руси къ другой дороги мѣжжія, неокольныя. Получилось двѣ Руси.

Вѣсти о расщепленіи Руси дестигли вскорѣ до византійскаго императора и до вселенскаго патріарха константино-скаго, у которыхъ въ іерархическомъ подчиненіи пребывали тропогитъ кievскій и всея Руси. Обоимъ приходилось сносіть Русью по дѣламъ церковнымъ.

Византійскіе греки замѣняли въ имени Русь звукъ у комъ о и называли русскихъ народомъ Россъ или Россаи страну ихъ—Россіей. Этому находятъ два объясненія: или ки по ученому домыслу отождествляли Русь съ упоминаемой пророка Езекіїля народомъ Рошъ, или они переняли произношеніе отъ каксго-нибудь тюрк-татарского племени, на отъ хазарь, ибо у тюрко-татарами выговаривается иногда, в. о. Греческое произношеніе въ именахъ Россъ и Россія, въ ученое, принятое образованными людьми, было усвоено съ Русью и удержалось въ имени Россія до нашихъ дней.

Когда Русь или—по гречески—Rossia, распалась на-дѣявилась необходимость отличать одну Русь отъ другой каки-нибудь опредѣленіемъ. Византійцы воспользовались готовы географическими терминами: страна Малая или Великая, унаследованными ими отъ классической древности.

Древне-греческіе и римскіе писатели опредѣляли страну, къ Малую или Меньшую (въ сравнительной степени), не пото-что она занимала незначительную площадь, но, главнымъ об-зомъ, въ томъ смыслѣ, что она являлась исконнымъ мѣстомъ съяніемъ или прародиной одного народа или нѣсколькихъ 1 ственныхъ племенъ,—въ смыслѣ, такъ сказать, первоначаль-

наго и государственного ядра. Великими назывались улическихъ географовъ страны, колонизованныя населеніемъ іалыхъ, иначе говоря: разросшіяся изъ нѣдѣ страны—малой Азіи.

Огромный передний выступъ на западѣ Азіатскаго матери-
зывающаго водами четырехъ морей: Чёрнаго, Мраморнаго,
Чернага и Средиземнаго, назывался Малой Азіей, какъ ко-
мѣ азіатскихъ народовъ, откуда „разсѣяль ихъ Господь по
землѣ“, по библейскому выраженію. Великой Греціей на-
звана греческія колоніи въ Сициліи и южной Италии, по бо-
ко Тарентскаго залива. Кельтское племя бриттовъ населяло
начально полуостровъ Арморику въ нынѣшней Франціи.
часть бриттовъ перебралась на сосѣдній островъ, то ста-
вшию ихъ стали называть Малой Британіей (*Britania minor*,
франц. Бретань), а новая колонія на островѣ—Великой
Шотландіей (*Britana major*). Въ средніе вѣка, по греко-римской
ции, окрестности Кракова, (познѣйшія воеводства Краковское,
Мирское и Люблинское, какъ древнѣйшее средоточіе
того племени, назывались Малой Польшей (*Minor Polonia*);
или Польша (*Major Polonia*)—познѣйшія воеводства Познан-
ская Калишское,—являлась продолженіемъ польскихъ поселе-
ній рѣкъ Вартѣ на сѣверѣ, къ Балтійскому морю.

Итакъ, освѣдомившись о происшедшемъ раздѣленіи Руси, царь и императоръ начали называть исконнѣ имъ извѣстную
ую, Приднѣпровскую Русь—Малою, а Русь Западскую, вѣловъ
авшую ихъ умственному взору,—Русью Великою. Въ пре-
Малой Россіи, по византійскому представленію, были рас-
сѣны епархіи: Галицкая, Владимиръ-Волынская, Холмская,
Бѣлзская, Луцкая и Турковская (1347 г.). Въ Малой Россіи
г. Киевъ, гдѣ издревле пребывалъ глава русской церкви
Попить Киевскій и всяя Руси (1354 г.). Императоръ Іоаннъ
Кузенъ, обращаясь къ князю Любарту Гедиминовичу и убѣ-
дившися не домогаться учрежденія особой митрополіи малороссій-
ской: „Ты знаешь, что тѣкъ было установлено и уза-
ло съ той поры, какъ народъ русскій позналъ Бoga и про-
лся святымъ крещеніемъ, дабы былъ одинъ митрополитъ,
такъ для всей Россіи, какъ для Малой, такъ и для Великой“

Византійская термінологія привлася і на Русі. Галичінський князь Юрій II († 25 березня 1340 р.) въ латині громстѣ къ великому магистру нѣмецкаго срдена Дитриху, 20 октября 1335 года, называетъ себя: *Dei gratia natus dux et Russiae munoris*, т. е. Божію милостію прирожденный князь Малая Руси.

Польский король Казимиръ III Великий, овладѣвъ галичінськими землями, въ греческомъ письмѣ къ константинопольскому патріарху Филосею (1370 р.) усвояетъ себѣ титулъ короля Ляхіи и Малой Россії.

Прошло три вѣка. Названіе „Малая Россія“ прочно держалось среди книжныхъ людей. Въ то же время русскій народъ отказывался отъ своего народного имени и открыто называлъ себя русскимъ, когда представлялась къ тому надобность. Всеми, напр., одно мѣсто изъ Льmenta (плача) Львовскаго старшіального братства (1609 р.): „Утяжени естесмо мы, нар. Русскій, отъ народа Польского яромомъ надъ Египетскую неволю насъ лечь безъ меча, але горѣй нѣжъ мечемъ съ потесненіемъ выгубляютъ, заборонивши намъ дожиткъ и ремесль обходишиелякихъ, чимъ бы толко человѣкъ живъ быти моглъ, того всленъ русинъ на при рожоной земли своей Русской уживати, томъ то русскомъ Ласавъ“.

Топографическое названіе Малая Россія начало повторяться часто съ конца XVI-го вѣка, когда, подъ давленіемъ воїтвующей Унії, русскіе подданные польского короля возобновили болѣе тѣсныя связи съ православнымъ греческимъ Востокомъ когда такие русскіе националисты, какъ Іоанн Борецкій, Іоанн Вишенскій и Петръ Сагайдачный, выступили на защиту прав славія, пробудили южно-русское народное самосознаніе и дали починъ воссоединенія Руси.

Митрополитъ Миръ Ликійскихъ Матеїй пушетъ Львовско братству, что ему даны патріархомъ константинопольскимъ помощія „относительно церковныхъ дѣлъ въ Малой Россіи и Московскемъ царствѣ“ (1606 р.).

Авторъ „Зачапки“, напразненной противъ Скарги, сбирающей съ всемъ южью къ „благочестивымъ и православнымъ христіанамъ Малой Россіи“ (1607 р.)

городнаго и государственаго ядра. Великими назывались у греческихъ географовъ страны, колонизованныя населениемъ малыхъ, иначе говоря: разросшіяся изъ нѣдѣрь страны—матери Огромный передний выступъ на западѣ Азіатскаго материа, омываемый водами четырехъ морей: Чёрнаго, Мраморнаго, Ступидага и Средиземнаго, назывался Малой Азіей, какъ копиель азіатскихъ народовъ, откуда „разсѣяль ихъ Господь по землѣ“, по библейскому выраженню. Великой Греціей назывались греческія колоніи въ Сициліи и южной Италіи, по большинству Тарентскаго залива. Кельтское племя бриттовъ населяло первоначально полуостровъ Арморику въ начинѣ Франціи. Тогда часть бриттовъ перебралась на сестрѣй островъ, то стало родину ихъ стали называть Малой Британіей (*Britannia minor*, франц. Бретань), а новая колонія на островѣ—Великой Планіей (*Britan'a major*). Въ средніе вѣка, по греко-римской традиціи, окрестности Krakowa, (позднѣйшія воеводства Krakowskое, Womirskое и Lublinское, какъ драгоцѣнное средоточіе польскаго племени, назывались Малой Польшей (*Minor Polonia*); такая Польша (*Major Polonia*),—позднѣйшія воеводства Poznańskое и Kalińskое,—являлась продолженіемъ польскихъ поселеній рѣкъ Вартѣ на сѣверъ, къ Балтийскому морю.

Итакъ, освѣдомившись о произошедшемъ раздѣленіи Руси, папы и императоръ начали называть исконя имъ известную скую, Пайднѣправскую Русь—Малою, а'Русь Запѣсскую, възвѣстившую ихъ умственному взору,—Русью Великою. Въ прѣдѣлахъ Малой Россіи, по византійскому представлению, были расставлены епархіи: Галицкая, Владимиръ-Волынская, Холмская, Смыльская, Луцкая и Турковская (1347 г.). Въ Малой Россіи въ г. Киевѣ, где издревле пребывалъ глава русской церкви митрополитъ Киевскій и всяя Русь (1354 г.). Императоръ Іоаннъ Кузенъ, обращаясь къ князю Любарту Гедиминовичу и убѣдившего не домогаться учрежденія особой митрополіи малороссийской говорилъ: „Ты знаешь, что такъ было установлено и узаконено съ той поры, какъ народъ русскій позналъ Бога и прообразился святымъ крещеніемъ, дабы былъ одинъ митрополитъ, Русский, для всей Россіи, какъ для Малой, такъ и для Великой“.

Византійская термінологія привилась і на Русі. Гали¹
Владимирський князь Юрій II († 25 березня 1340 р.) въ латине
гравствъ къ великому магистру нѣмецкаго ордена Дитриху,
20 октября 1335 года, называетъ себя: *Dei gratia natus dux et
Russiae munus, т. е. Божію милостію прирожденный князь і
Малая Руси.*

Польський король Казимиръ III Великий, овладѣвъ гали¹
волинскими землями, въ греческомъ письмѣ къ константинополь-
скому патріарху Филосею (1370 р.) усвояетъ себѣ титулъ кор-
Ляхіи и Малой Россіи.

Прошло три вѣка. Названіе „Малая Россія“ прочно дер-
лось среди книжныхъ людей. Въ то же время русскій народъ
отказывался отъ своего народного имени и стырило называло
себя русскимъ, когда представлялась къ тому надобность. Ес-
мимъ, напр., одно мѣсто изъ Ламента (плача) Львовскаго става
підгіального братства (1609 р.): „Утяжени естесмо мы, наро-
дъ Русскій, отъ народа Польского яромомъ надъ Еланскую нево-
же насъ лечь безъ меча, але горїй нѣжъ мечемъ съ потомствомъ
выгубляютъ, заборониши намъ пожитковъ и ремесль обходи-
вшевшихъ, чимъ бы толко человѣкъ живъ быти моглъ, того
всленъ русинъ на прирожденной земли своей Русской уживати,
тось то русскомъ Ласватъ“.

Топографическое название Малая Россія начало повторять
очень часто съ конца XVI-го вѣка, когда, подъ давленіемъ во-
сточущей Унії, русскіе подданные польского короля възстановили
болѣе тѣсныя связи съ православнымъ греческимъ Востокомъ
когда такие русскіе националисты, какъ Іоанн Брецкій, Іоанн
Вишенскій и Петръ Сагайдачный, выступили на защиту прав
славія, пробудили южно-русское народное самосознаніе и да-
ли починъ возсединевія Руси.

Митрополитъ Миръ Ликійскихъ Матеїй пишетъ Львовско-
братству, что ему даны патріархомъ константинопольскимъ по
всомочію „относительно церковныхъ дѣлъ въ Малай Россіи и
Московской царствѣ“ (1606 р.).

Авторъ „Зачапки“, напротивъ Скарги, обращаясь съ себю: „къ благочестивымъ и православнымъ хри-
стиянамъ Малой Россіи“ (1607 р.).

піархъ Феофанъ, уѣзжая изъ Кієва въ январѣ 1621 года, въ грамотѣ свое благословеніе всѣмъ благочестивымъ имъ въ Малой Россіи.

Цій Копинскій подписался: епископъ и екзархъ Малой Россіи г.), когда отправлялъ письма къ Михаилу Феодоровичу піарху Филарету съ посланцами, которымъ поручилъ разить этимъ лицамъ готовность православныхъ малопризнать надъ собою власть московскаго царя.

Мѣрѣ падежія русскихъ началь въ Галичинѣ и на Волыніе Малая Россія—передвигалось постепенно къ Кіеву и берегу Днѣпра.

Въ Переяславской Радѣ, въ грамотѣ Алексія Михайловича Богдану Хмельницкому и ко всему войску Запорожскому о рожденіи царевича Алексія, отъ 9 февраля 1654 года, появляется въ титулѣ московскаго царя древнее имя, данное исконной, первоначальной Руси, „откуда есть пошла земля“: царь титулюется „всѧ Великіе и Малые Русіи“ земль. По выражению переяславского протопопа Григорія Бутсвича, „Господь Богъ исполнилъ желаніе правившего, еже совокупитися вседино Малой и Великой Россіи ю великордѣжаного благочестиваго царя восточного“.

Въ заключенія 26 апреля 1686 г. такъ называемаго вѣчного межди Россіей и Польшею называемаго Малороссія закрѣплено преимущественно за лѣвобережной ея частью и за съ скрестностями его, оставшимися за Россіей,—межди енемъ и Стужною. На печати войска запорожскаго, врезаны (1690 г.), выгравирована вокругъ традиціоннаго имени казака съ мушкетомъ надпись: „Печать Малой Россіи Его Царскаго Величества Запорозкого“.

Съ именемъ Малороссіи страна пережила правленіе гетмана реформы Екатерины II и Александра II. Всѣ учрежденія императора имѣли характеръ положенія, для нея предназначенные, носили малороссийскихъ вплоть до малороссийскаго генерал-губернаторства, упраздненнаго въ 1856 г., и до малороссийскаго въ крестьяната, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Параллельно этому, со времени въчнаго мира Росс Польшею 1686 г., на правомъ берегу Днѣпра вырисовывалася польская Украина, т. е. пограничная провинція или область скаго королевства. Авторъ писанной по-латыни около 1690 исторіи казацко-польской войны Симуиль Грондскій объясняетъ *ergo enim polonice kray; inde Ukrayna, quasi provin'ja ad regni posita*, что значитъ: „латинское *margo* (граница, ручеекъ) отъ *polonice kray*; отсюда Украина, какъ бы область, расположенная у края королевства“. Слово Украина, въ качествѣ наименования пограничья, пограничной мѣстности области и въ русскомъ и въ польскомъ языкахъ вошло въ хэдъ съ очень давнаго времени.

Въ Ильинской лѣтописи оно встречается впервые въ 1187 г. въ разсказѣ о проходѣ на полоцкѣ, задуманномъ скими князьями Святославомъ Всеволодовичемъ, Рюрикомъ Стиславичемъ и Владимиромъ Глѣбовичемъ. Полоццы, предупрежденные черными клобуками, что „идутъ на ия князя Русѣ“, бѣжали на противоположный отъ князей берегъ Днѣпра. Мѣсяцъ, наступилъ весна, и ледъ на Днѣпре покрылся полынью. Переправа сдѣлалась невозможной. Русские князья вынуждены были возвратиться по домамъ. „На томъ бо пуги разбрѣлься Владимеръ Глѣбовичъ болѣстью тяжкою, ю же скончася. О нѣ же Украина много постона“. Смыслъ послѣднихъ словъ лѣтописи совершенно ясенъ: смерть Владимира Глѣбовича оплакивала вся Русь, а Пограничная ея область, которую онъ, какъ граничный Переяславскій князь, защищалъ отъ нападенія ловцевъ.

Подъ 1213 г. та же Ильинская лѣтопись сообщаетъ о побѣдѣ Данииломъ Романовичемъ, княземъ галицкимъ, погнанныхъ съ поляками русскихъ городовъ, покоренныхъ первымъ польскимъ королемъ Лешкомъ Казимировичемъ. Данійѣхъ съ братомъ и прия Берестай, и Угровескъ, и Верещинѣ Столпье, Комовъ и всю Украину“. Не можетъ быть сомнѣнія, что Украина значитъ здѣсь: пограничная отъ поляковъ область Руси. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ мѣстахъ Ильинская лѣтопись имѣемъ два пограничья тогдашней Руси: на востокѣ отъ полоцкѣ и на западѣ—отъ поляковъ.

архъ Феофанъ, уѣзжая изъ Киева въ январѣ 1621 года, въ вѣ грамотѣ свое благословеніе всѣмъ благочестивымъ имъ въ Малой Россіи.

ая Копинскій подпісался епископомъ и екзархомъ Малой Россіи (2 г.). когда отправлялъ письма къ Михаилу Феодоровичу арху Филарету съ посланцами, которымъ поручилъ праизить этимъ лицамъ готовность православныхъ мало- признать надъ собою власть московскаго царя.

мѣръ паденія русскихъ началъ въ Галичинѣ и на Волынѣ. Малая Россія—передвигалось постепенно къ Киеву въ берегъ Днѣпра.

слѣ Переяславской Рады, въ грамотѣ Алексѣя Михайловича Богдану Хмельницкому и ко всему войску Засуму о рожденіи царевича Алексѣя, отъ 9 февраля 1654 года, появляется въ титулѣ московскаго царя древнее имя, данное исконной, первоначальной Руси, „откуда есть пошла земля“: царь титууется „всѧ Великие и Малые Руси“ именемъ. По выраженію переяславского протопопа Григорія Ильи Бутовича, „Господь Богъ исполнилъ желаніе правившего, еже совокупитися вседино Малой и Великой Россіи единую великороджаного благочестиваго царя восточкою“.

слѣ заключенія 26 апреля 1686 г. такъ называемаго вѣчра между Россіей и Польшю названіе Малороссія закрѣплено преимущественно за лѣвобережной ея частью и за сѣ съ скрестностями его, оставшимися за Россіей,—между Днепромъ и Студенцю. На печати войска запорожскаго, врезаны (1690 г.), выгравирована вскругъ традиціоннаго имени казака съ мушкетомъ надпись: „Печать Малой Россіи Его Царскаго Величества Запорозкого“.

дъ именемъ Малороссіи страна пережила правленіе гетмана реформы Екатерины II и Александра II. Всѣ учрежденія одательные положенія, для нея предназначенные, носили малороссийскихъ вплоть до малороссийскаго генеральства, упраздненнаго въ 1856 г., и до малороссийскаго царства о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ 1861 г.

Параллельно этому, со временем въчнаго мира Росс Польшею 1686 г., на правомъ берегу Днѣпра вырисовывалась польская Украина, т. е. пограничная провинція или область скаго королевства. Авторъ писанной по-латыни около 16 исторіи казацко-польской войны Симуилъ Грэндскій объясняетъ: „*margo enim polonica kray; inde Ukraina, quasi provincja ad regni posta*“, что значитъ: „латинское *margo* (граница, ручеекъ) по польски *край*: отсюда Украина, какъ бы область, расположенная у края королевства“. Слово Украина, въ качествѣ наименования, въ значеніи пограничья, пограничной мѣстности области и въ русскомъ и въ польскомъ языкахъ вошло въ ходъ съ очень давнаго времени.

Въ Ильинской лѣтописи оно встречается впервые въ 1187 г. въ разсказѣ о проходѣ на полозцевъ, задуманныхъ скими князьями Святославомъ Всеволодовичемъ, Рюрикомъ Стиславичемъ и Владициромъ Глѣбовичемъ. Полозцы, предупрежденные черными клобуками, что „идутъ на нихъ князи Ростовѣжи на противоположный отъ князей берегъ Днѣпра. Мѣтъ, наступила весна, и ледъ на Днѣпре покрылся полынью. Переправа сдѣлалась невозможной. Русские князья вынуждены были возвратиться по домамъ. На томъ бо пуги разбрѣлись Владимеръ Глѣбовичъ болѣстью тяжкою, ю же скончася. О нѣже Украина много постона“. Смыслъ послѣднихъ словъ лѣтописи совершенно ясенъ: смерть Владимира Глѣбовича оплакивала вся Русь, а Пограничная ея область, которую она, какъ граничный Переяславскій князь, защищала отъ нападенія ловцевъ.

Подъ 1213 г. та же Ильинская лѣтопись сообщаетъ отображеніи Днѣпромъ Романовичемъ, княземъ галицкимъ, по начныхъ съ поляками русскихъ городовъ, покоренныхъ петромъ польскимъ королемъ Лешкомъ Казимировичемъ. Днѣпра съ братомъ и прия Берестий, и Угровескъ, и Верещин Столпье, Комовъ и всю Украину“. Не можетъ быть сомнѣнія, что Украина значитъ здѣсь: пограничная отъ поляковъ область Руси. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ мѣстахъ Ильинская лѣтопись имѣетъ два пограничья тогдашней Руси: на востокѣ отъ половцевъ и на западѣ—отъ поляковъ.

Но вотъ мѣсто Ильинской лѣтописи (1189 г.), гдѣ говорится уже о границахъ Галицкаго княжества: Ростиславъ Бернадикъ „ѣхъ исъ Смоленска вборзъ; и приѣхавши же ему же упраїнѣю Галичкой и взя два города Галичкыни, и оттолѣ пои-
мѣхъ Галичю“. Аналогичное—употребленіе слова *украина* находимъ и въ Первой Псковской лѣтописи. И пришедъ таино, я взяша съ *украины* нѣколико Псковскихъ селъ“ (1271 г.). „И посемь Андрей съ Полочаны изъ своея *украины* пригнавше, безъ вѣсти проповевавше нѣколико селъ Воронечской волости“ (1348 г.).

Ось существительного *украина*—прилагатель-
ное *украинный*—пограничный; житель пограничья—*украинчина*
или *украинникъ*. Напр., „приказали есьмо своимъ *украиннымъ*
и наемъ... и инымъ своимъ княземъ и намѣстникомъ и волосте-
ниномъ и всѣмъ своимъ *украинникомъ*“ (Отв. в. к. Ив. Вас. пап. гр.
1103 г.). „И почаша Ляховъ воевати около Холма; и не взяша ни-
кою же; избѣгли бо ся бяхутъ въ городъ, зане вѣсть бяхутъ
ношли имъ Ляховъ *украинянъ*“, т. е. русскіе жители окрестно-
стей Холма, предупрежденные живущими на пограничии поляка-
ми наступлениемъ польского войска, сбѣжались въ Холмъ и, та-
кимъ образомъ, избѣжали плѣна (Ипат. 1268 г.).

Пересматривая сборники русскихъ и польскихъ актовъ за XVI и XVII в.в., мы можемъ найти сотни примѣровъ упо-
требленія приведенныхъ словъ въ указанномъ смыслѣ. Въ Мон-
голіи государства существовали *украины* (пограничья) Мен-
глийская, Мэрдовская, Рязанская, Тульская, Смоленская, Литовская.
Литовскій князь Всесилій Изачовичъ, напр., пишетъ: „Нашъ недругъ
Альбертъ, король польскій, послалъ войско къ *украину* приго-
ну къ Оточкѣ, а наши воеводы ноугородцкіе съ ноугородцами
подъмы стояли въ нашемъ *украиномъ* городѣ на Лукахъ на-
шихъ, сберегали нашихъ *украинъ*“ (1517 г.). Особенно ча-
сто слово *украина* употребляется въ смыслѣ границы Московск-
аго государства съ татарскою степью.

Литовскій великий князь Александръ пишетъ валашскому
князю Степану IV: „И тымы разы, ажъ Богъ дастъ, подбли-
жимся таинъ подъ *украины* къ тымы нашымъ панствомъ и от-
дастъ Богъ, выправимъ и шлемъ до Тебѣ нашихъ пос-
(1496 г.).

Въ Польшѣ были свои "украины-пограничья". Очень часто, гдѣ можно бы ожидать слова *украина*, стоятъ: *уграни* или *пограниче*, что ясно показываетъ значеніе слова. Стефанъ I гері разсыпаетъ универсалы „Всѣмъ вообще и каждому въ отдельности старостамъ, подстаростамъ, державцамъ, князьямъ санамъ и рыцарству, на украинѣ русской, кievской, водынск подольской и брацлавской живущимъ" или „Всѣмъ вообще каждому въ отдельности изъ старостъ нашихъ украинныхъ (1578—1580 г.).

У Стрыйковскаго находимъ слѣдующія мѣста: 1) „Альбрехт племянникъ королевскій, причинилъ убытки на украинѣ Польской и Жиудской земли"; 2) „Деньги были выдаваемы изъ киевы коннымъ и пѣшимъ ротмистрамъ на украинѣ Московской Татарской". Рѣчь идетъ о пограничии между польской и жиудской землей и с рубежахъ со стороны Москвы и татаръ. Іосифъ Верещинскій, бискупъ кievскій, озаглавливаетъ свою книгу: „Віній путь къ скорѣйшему и надежнейшему заселенію въ русскихъ краинахъ пустынь королества Польскаго съ точки зи нія наиболѣе дѣйствительной обороны всей украинной терриоріи отъ враговъ святого креста". Въ автографическомъ отвѣтѣ Верещинскій считаетъ Кіевъ и прилегающее къ нему Піддѣлѣрськѣ земли русской (Русска земя), но въ текстѣ книга часто называетъ эту страну *украиной*, вслѣдствіе ся положенія у края польского королевства, на пограничии отъ татаръ.

Въ русскомъ языкѣ значеніе слова *украина*, въ смыслѣ „границы", цалекай и спасной пограничной области, удержано до позднѣйшаго времени, въ особенности въ произведеніяхъ родной словесности, какъ южно-русской, такъ и сѣверно-русской. Въ разныхъ вариантахъ известной пѣсни о Морозенкѣ рисую такія картины:

Ой за ричкой за быстрою бѣтьсяся Морозъ изъ ордою,
Винъ бѣться рубасться, винъ у тес кохается.
Въ суботоньку проты недили изъ ордою стяvся,
А въ недилю и роты понедилка въ невсю попався.
Ой выведи Морозенка на Савуръ-могилу,
Поглядае Морозенко та на свою украину.
Ой що своя украина, якъ макъ процвѣтатъ,
А чужая украина, якъ листъ спадае.

Но вотъ мѣсто Ильинской лѣтописи (1189 г.), гдѣ говорится уже о границахъ Галицкаго княжества: Ростиславъ Берладенъ „възъ съ Смоленска вблизъ и приѣхавши же ему же *украинъ Галичъ* и взя два города Галичъ и оттолѣ поиде къ Галичу". Аналогичное—употребленіе слова *украина* находимъ и въ Первой Псковской лѣтописи. И пришедъ таинно, и взяша съ *украины* нѣколикъ Псковскихъ селъ" (1271 г.). „И посемь Андрей съ Полочаны изъ своея *украины* пригнавше, безъ зѣти повоевавше нѣколько сель Воронечской волости" (1348 г.).

Огъ существительного *украина*—пограничье прилагательное *украинный*—пограничный; житель пограничья—*украинянинъ* или *украинникъ*. Напр., „приказали есьмо своимъ *украиннымъ* княземъ... и инымъ своимъ княземъ и намѣсникомъ и волостемъ и всѣмъ своимъ *украинникомъ*" (Огв. в. к. Из. Вас. пап. гр. 1503 г.). „И почаша Ляховъ воевати около Холма и не взяша ничего же; избѣгли бо ся бѣгутъ въ городъ, зане вѣсть бѣгутъ подали имъ Ляховъ *украинянъ*", т. е. русскіе жители окрестностей Холма, предупрежденные живущими на пограничии поляками о наступлении польскаго войска, сбѣжались въ Холмъ и, такимъ образомъ, избѣжали плѣна (Ипат. 1268 г.).

Пересматривая сборники русскихъ и польскихъ актовъ за XV, XVI и XVII в.в., мы можемъ найти сотни примѣровъ употребленія приведенныхъ словъ въ указанномъ смыслѣ. Въ Московскому государству существовали *украины* (пограничья) Мещанская, Мордовская, Рязанская, Тульская, Смоленская, Литовская. Великий князь Всесильй Ивановичъ, напр., пишетъ: „Нашъ недругъ Жигимонтъ, король польский, послалъ войско къ *украинному* пригороду къ Оточкѣ, а наши воеводы ноугородцкіе съ ноугородцами пѣдьми стояли въ нашемъ *украинномъ* городѣ на Лукахъ на Волинскихъ, сберегали нашихъ *украинъ*" (1517 г.). Особенно часто слово *украина* употребляется въ смыслѣ границы Московскаго государства съ татарской степью.

Литовскій великий князь Александръ пишетъ валашскому воеводѣ Степану IV: „И тымы разы, ажъ Богъ дастъ, подблажаемся тамъ подъ *украину* къ тымы нашымъ панствомъ и отдать дастъ Богъ, выправимъ и шлемъ до Тебѣ нашыкъ пословъ" (1496 г.).

Въ Польшѣ были свои "украини-пограничья". Очень часто тамъ, гдѣ можно бы сжидать слова *украина*, стоять: уграни или пограниче, что ясно показываетъ значение слова. Стефанъ ІІІ разсыпалъ униерсалы „Всѣмъ вообще и каждому въ отдельности старостамъ, подстаростамъ, державцамъ, князьямъ и рыцарству, на украинѣ русской, кievской, волынско-подольской и брацлавской живущимъ" или „Всѣмъ вообще каждому въ отдельности изъ старостъ нашихъ украинныхъ" (1578—1580 г.).

У Стрыйковскаго находимъ слѣдующія мѣста: 1) „Альбрехт племянникъ королевскій, причинилъ убытки на украинѣ Польской и Жуудской земли"; 2) „Деньги были выгнаны изъ казны коннымъ и пѣшимъ ротмистрамъ на украинѣ Московской Татарской". Рѣчь идетъ о пограничии между польской и жмудской землей и съ рубежахъ со стороны Москвы и татаръ. Йосифъ Верещинскій, бискупъ кіевскій, излагаетъ свою книгу: „Вѣнчайший путь къ скорѣйшему и изѣдженѣйшему заселенію вѣтру русскихъ украинахъ пустынь королевства Польскаго съ точки зреяния наибѣдѣтельной обороны всей украинной территории отъ враговъ святого креста". Въ этнографическомъ отвѣтѣ Верещинскій считаетъ Кіевъ я прилегающее къ нему Придѣлѣровье землей русской (Русска земя), но въ текстѣ книжки часто называетъ эту страну *украиной*, вслѣдствіе ея положенія у края польского королевства, на пограничии отъ татаръ.

Въ русскомъ языкѣ значеніе слова *украина*, въ смыслѣ пограничья, чалскій и спасной пограничной области, удержалось до позднѣйшаго времени, въ особенности въ произведеніяхъ народной словесности, какъ южно-русской, такъ и съверно-русской. Въ разныхъ вариантахъ известной пѣсни о Морозенкѣ рисуются такія картины:

Сѣй за ричкой за быстрю бѣться Морозъ изъ ордовъ,
Винъ бѣться рубасться, винъ у тое кохается.
Въ суботоньку проты недили изъ ордою стявся,
А въ недилю и роты понедилка въ невсю попався.
Сѣй вывели Морозенка на Савуръ-могилу,
Поглядяе Морозенко та на свою украину.
Сѣй що сея украина, якъ макъ процветатъ,
А чужая украина, якъ листъ слакае.

Воны-жъ його а не былы, а не въ четверти рубалы.

Ой тильки зъ його, зъ його моподсго, та жывцемъ сердце взялы.

Прощай, прещай, та Морозенку, ты найславный козаче!

Ой за тобсю, та Морозенку, та вся украина плаче!

Изъ контекста совершенно ясно, что *украина* здѣсь, съ однѣ стороны—руссій пограничный край, „святоруській берегъ“, который Морозенко защищалъ отъ татаръ,—онъ кажется Морозенку столь же прекраснымъ, какъ цѣлущій макъ; съ другой стороны—край татарскій, нагоняющій на казака тоску и уныніе, мрачный осеній день, когда падаетъ съ деревьевъ листъ.

Пѣсни совершенно совпадаютъ съ ковчомъ лѣтописнаго памятника о смерти Переяславскаго князя Владимира Глѣбовича: „О немъ же украина много постана“, а здѣсь: „Ой за тобою Морозенку, та вся украина плаче!“. Князья и козака—жителей пограничья оплакивали въ первомъ случаѣ, какъ защитника пограничцевъ, во второмъ—отъ татаръ.

„Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Даниловымъ“, слово *украина* встречается все въ томъ числѣ.

Издалечка, издалеча во чистсмъ полѣ,
Какъ да ишѣ того на украинѣ,
Какъ ъдетъ, поѣдетъ добрый Молодецъ,
Сильный могучъ богатырь Добрыня,
А Добрыня, вѣдь-то, братцы, Никитъегичъ.
И съ нимъ, вѣдь, ъдетъ Торопъ слуга.

Второй примѣръ:

Въ Сибирской во украинѣ
Во Даурской сторонѣ,
Въ Даурской сторонѣ—
А на славній на Амурѣ рѣкѣ.

Очень любопытно, что великий русскій стилистъ И. С. Тургеневъ обладавшій особыннымъ чутьемъ языка, нашелъ возможнѣсть потребить слово *украина* въ его искренномъ, древнемъ значеніи. Повѣсть „Бригадиръ“ начинается такъ: „Читатель, знакомьтесь тѣлько съ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, дѣздѣ, пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изсбила наша белорусская украина“?

Тѣмъ временемъ въ Польшѣ шелъ процессъ перехода ии украина изъ нарицательнаго въ собственное. Чуть ли первый шагъ въ этомъ направлениі сдѣлалъ французскій инженеръ Лавассеръ-де-Бопланъ, 17 лѣтъ пребывшій на польской службѣ въ южно-русскихъ степяхъ. Какъ иностранецъ, онъ, конечно, внутренняго языковаго чутья и возможно понимать истинный смыслъ чужыхъ ему словъ. Воеводства киевское, брацлавское и подольское, слышавшія въ обиходной польской языке украиной — пограничіемъ, онъ объединилъ въ одну сдѣлку L'Ukraine. Онъ описалъ ее въ сочиненіи, посвященномъ королю Яну-Казимиру, и изобразилъ на картахъ. „Я осмысливаюсь“, — чѣть онъ въ посвященіи, — предложить В. К. В. описание въ обширной пограничной украины, находящейся между Москвой и Трансильвaniей". Какъ инженеръ, Бопланъ не вникалъ историческіе и этнографические вопросы и не доискивался, какъ называлась искона эта страна.

По слѣдамъ Боплана пошли польскіе ученые и просто образованные люди, тѣмъ болѣе въ такую пору, какъ конецъ XVII вѣка, когда русско-польскій споръ склонился не въ пользу поляковъ. Поляки исторически стремились заглушить русскую сходу въ русскихъ людяхъ, сдѣлавшихся, волею судебъ, подданными польского короля. Теперь, когда часть Руси отпала отъ Польши по вечному миру 1686 г. и соединилась съ единовѣрными и единоплеменниками, стремленія поляковъ стали еще болѣе стойчивы. Они обрадовались слуху затереть самое имя Малой Россіи въ своихъ предѣлахъ и замѣнить его именемъ Украины. Мало — по — малу это имя прочно прикрепилось къ киевскому воеводству, получившему посѣдѣ 1686 года свой административный центръ въ Житомирѣ, но продолжало иметь чисто топографическое значеніе. Сомнѣній въ принадлежности къ русской народности жителей Украины еще не возникло въ польскомъ обществѣ. Мянулъ ста съ лишкомъ лѣтъ, прошли уже гайдамачины, настали раздѣлы Польши, — и вотъ когда польские ученые заговорили объ особой украинской национальности. Ихъ хотѣлось доказать, что русскихъ нѣтъ въ границахъ погибшей Польши и что Екатерина II напрасно приказала вычеканить на медаляхъ въ память раздѣловъ: „отторженная возвратихъ". Берлинскій профессоръ Александръ Брюкнеръ утверждаетъ,

Воны-жъ його а не бѣлы, а не въ четверти рубалы.

Ой тильки зъ його, зъ його молодого, та жывцемъ сердце
взялы.

Прощай, прщай, та Морозенку, ты найславный козаче!

Ой за тобсю, та Морозенку, та вся украина плаче!

Изъ контекста совершенно ясно, что *украина* здѣсь, съ однай стороны—русскій пограничный край, „святорускій берегъ“, который Морозенко защищалъ отъ татаръ,—онъ кажется Морозенко столь же прекраснымъ, какъ цѣлтущій макъ; съ другой стороны—край татарскій, нагоняющей на казака гесску и уныніе, такъ мрачный осенний день, когда падаетъ съ деревьевъ листъ. Конецъ пѣсни совершенно совпадаетъ съ концомъ лѣтописчаго рассказа о смерти Переяславскаго князя Владимира Глѣбовича: „О немъ же украина много постана“, а здѣсь: „Ой за тобсю, та Морозенку, та вся украина плаче!“. Князья и козака—жители пограничья оплакивали въ первомъ случаѣ, какъ защитника отъ половецвъ, во второмъ—отъ татаръ.

Въ „Древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ, събранныхъ киево-Даниловымъ“, слово *украина* встречается все въ томъ же значеніи.

Издалечка, издалеча во чистомъ полѣ,
Какъ да ише того на украинѣ,
Какъ ѳдетъ, поѣдетъ добрый Молодецъ,
Сильный могучъ богатырь Добрыня,
А Добрыня, вѣдь-то, братцы, Никитѣевичъ.
И съ нимъ, вѣдь, ѳдетъ Торопъ слуга.

Второй примѣръ:

Въ Сибирской во украинѣ
Во Даурской сторонѣ,
Въ Даурской сторонѣ—
А на славнѣй на Амурѣ рѣкѣ.

Очень любопытно, что великий русскій стилистъ И. С. Тургеневъ, обладавшій особынными чутьюмъ языка, нашелъ возможніе употребить слово *украина* въ его исконномъ, древнемъ значеніи. Повѣсть „Бригадиръ“ начинается такъ: „Читатель, знакомъ ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать пять, тридцать лѣтъ тому назѣлись, изобиловала наша ѿвѣнчорусская украина?“

Тѣмъ временемъ въ Польшѣ шелъ процессъ перехода имена Украина изъ нарицательнаго въ собственное. Чуть ли не первый шагъ въ этомъ направлении сдѣлалъ французскій инженеръ Лавассеръ-де-Болланъ, 17 лѣтъ пробывшій на польской службѣ въ южно-русскихъ степяхъ. Какъ иностранецъ, онъ не былъ, конечно, внутренняго языковаго чутья и возможнос-
понимать истинный смыслъ чужыхъ ему словъ. Воеводства ки-
ское, брацлавское и подольское, слышавшія въ обиходной польской
рѣчи *украиной* — пограничіемъ, онъ объединилъ въ одну стр.
L'Ukraine. Онъ описалъ ее въ сочиненіи, посвященномъ королю
Яну-Казимиру, и изобразилъ на картахъ. „Я осмысливаюсь”, —
шетъ онъ въ посвященіи, — „предложить В. К. В. описание этой
обширной пограничной Украины, находящейся между Москвой
и Трансильвaniей”. Какъ инженеръ, Болланъ не вникалъ
историческіе и этнографическіе вопросы и не доискивался, какъ
называлась искона эта страна.

По слѣдамъ Боллана пошли польскіе ученые и простѣ оби-
званные люди, тѣмъ болѣе въ такую пору, какъ конецъ XVII
вѣка, когда русско-польскій споръ склонялся не въ пользу
поляковъ. Поляки исторически стремились заглушить русскую си-
хію въ русскихъ людяхъ, сдѣлавшихся, волею судебъ, подданными
польского короля. Теперь, когда часть Руси отпала отъ
Польши по вѣчному миру 1686 г. и соединилась съ единовѣ-
щами и единоплеменниками, стремленія поляковъ стали еще не-
стойчивѣе. Они обрадовались случаю затереть самое имя Малой
Россіи въ своихъ предѣлахъ и замѣнить его именемъ Украины.
Мало - по - малу это имя прочно прикрѣтилось къ киев-
скому воеводству, получившему послѣ 1686 года своя
административный центръ въ Житомирѣ, но продолжало имѣть
чисто топографическое значеніе. Сомнѣній въ принадлежности
русской народности жителей Украины еще не возникло въ пол-
скомъ обществѣ. Минулъ сто съ лишкомъ лѣтъ, прошли уже
гайдамачины, настали раздѣлы Польши, — и вотъ когда польские
ученые заговорили объ особой украинской національности. Ихъ
хотѣлось доказать, что русскихъ нетъ въ границахъ погибшей
Польши и что Екатерина II напрасно приказала вычеканить на
медаляхъ въ память раздѣловъ: „отторгненная возвратихъ”. Бер-
линскій профессоръ Александръ Брюкнеръ утверждаетъ, что

ио высказалъ взглѣдъ сбъ стдѣльности украинцевъ стъ хъ графъ Янъ Потоцкій въ книжѣ на французскомъ языке, онъ въ 1795 г. подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторической и фіической Скифіи, Сарматіи и Славянъ“. Существованіе скаго народа графъ Потоцкій стисситъ къ глубокой древности причисляетъ къ украинцамъ лѣтосписныхъ полянъ, древлянъ, севъ и сѣверянъ. Извѣстный основатель Кременецкаго лицея Чацикъ въ книжкѣ: „О названіи Украины и возникновеніи казаковъ“—выводить украинцевъ отъ укровъ, которые будто бы дикой славянской ордой, прѣшедшей на Днѣпръ-волжья въ первые вѣка по Р. Хр. Выдумки Польскихъ учёныхъ проникли на лѣвый берегъ Днѣпра въ умы образованныхъ юссіянъ, но здѣсь встрѣтили горячій отпоръ со стороны автора „Исторіи Русовъ“, появившійся въ началѣ 1800-хъ годовъ брѣвши вскорѣ чрезвычайную популярность въ малороссії. Сожалѣніемъ должно сказать,—пишетъ онъ,—внесены неизвѣстности и клеветы въ самыя лѣтописи малороссійскія, частію, творцами оныхъ природными русскими, слѣдовавшими неосторожности безстыднымъ и злобнымъ польскимъ и кимъ баснословцамъ. Такъ, напримѣръ, въ одной ученої книжкѣ выводится на сцену изъ древней Руси или нынѣшней Россіи новая нѣкая земля при Днѣпру, называемая тутъ Юю, а въ ней заводятся польскими королями украинскіе, а до того будто бы сія земля была пуста и необитаема, ковъ въ Руси не бывало. Но, видно, г. писатель таковой исторіи не бывалъ нигдѣ изъ своей школы и не видѣвъ той странѣ, называемой именемъ Украиною, русскихъ городовъ самыхъ древнихъ, и, по крайней мѣрѣ, гораздо старѣйшихъ о королей польскихъ“.

Въ сожалѣнію, голосъ В. Г. Полетики, предполагаемаго автора „Исторіи Русовъ“, скрывшагося подъ именемъ архіепископа Конинскаго, мало кѣмъ былъ услышанъ. Польская вліянія, едва уловимыми путями проникли въ чисто-русскую общинную жизнь. Самъ великий Пушкинъ поддавался обаянію бича:

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; чтобы
Въ душѣ своей къ намъ не вѣталь синъ; мы

Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посыпалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновленъ бытъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь).

Мицкевичъ мыслилъ Малую Русь—Украиной польского
ролевства, гибель которого жгучею скорбью произывала патрі-
ческое сердце поэта. Естественно, что и въ пѣсняхъ Пушкина
вылившихся въ пору общенія его съ Мицкевичемъ, встрѣчаются
такіе стихи:

Зѣто завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украина и Россія.

Украина глухо волновалась.

Храня суревость обычайзу,
Спокойно вѣдалъ онъ Украину.

Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украины.

О, если бъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украина.

Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора.

Тиха украинская ночь.

шерые высказалъ взглѣдъ сбъ стдѣльности украинцевъ стъ русскихъ графъ Янъ Потсцкій въ книжѣ на французскомъ языке, изданной въ 1795 г. подъ заглавиемъ: „Очеркъ исторической и географической Скифіи, Сарматіи и Славянъ”. Существованіе украинскаго народа графъ Потсцкій стисситъ къ глубокой древности и причисляетъ къ украинцамъ лѣтописныхъ полянъ, древлянъ, говорцевъ и сѣверянъ. Извѣстный епископъ Кременецкаго личн. Фаддей Чацкій въ книжкѣ: „О названіи Украины и возникновеніи казаковъ”—выводить украинцевъ отъ укровъ, которые будто бы дикой славянской ордой, пришедшей на Днѣпръ изъ Заволжья въ первые вѣка по Р. Хр. Выдумки польскихъ учёныхъ проникли на лѣвый берегъ Днѣпра въ умы образованныхъ малороссіянъ, но здѣсь встрѣтили горячій отпоръ со стороны автора „Исторія Русовъ”, появившейся въ началѣ 1800-хъ гдесъ-проборѣвшей вскорѣ чрезвычайную популярность въ малороссіи. Съ сожалѣніемъ должно сказать,—пишетъ снъ,—внесены не-малая нелѣпости и клеветы въ самыя лѣтописи малороссійскія, несчастію, творцами оныхъ природными русскими, слѣдовавшими по неосторожности безстыднымъ и злобнымъ польскимъ и грекскимъ баснословцамъ. Такъ, напримѣръ, въ одной учёной исторії выводится на сцену изъ древней Руси или нынѣшней малої Россіи новая нѣкая земля при Днѣпрѣ, называемая тутъ Украиною, а въ ней заводятся польскими королями украинскіе казаки; а до того будто бы сія земля была пуста и необитаема, казаковъ въ Руси не бывало. Но, видно, г. писатель таковой чистой исторії не бываль нигдѣ изъ своей школы и не видѣлъ въ той странѣ, называемой именемъ Украиною, русскихъ городовъ, самыхъ древнихъ, и, по крайней мѣрѣ, гораздо старѣйшихъ изъ тѣхъ королей польскихъ”.

Къ сожалѣнію, голосъ В. Г. Полетики, предполагаемаго автора „Исторіи Русовъ”, скрывшагося подъ именемъ архіепископа Михаила Конискаго, мало кѣмъ былъ услышанъ. Польская вліяніемъ, едва уловимыми путями проникли въ чисто-русскую общественную жизнь. Самъ великий Пушкинъ поддавался обаянію Пушкича:

Онъ между нами жилъ,
Средь племеніи ему чужого; чтобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ снъ; мы

Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (овь вдохновленъ быль свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь).

Мицкевичъ мыслилъ Малую Русь—Украиной польского
ролевства, гибель которогою жгучею скорбью пронизывала патр
ческое сердце поэта. Естественно, что и въ пѣсняхъ Пушки
вылившихся въ пору общенія его съ Мицкевичемъ, встрѣча
такіе стихи:

Зіто завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украина и Россія.

—
Украина глухо звоналаась..

Храня сурвость обычайну,
Слопокойно вѣдалъ онъ Украину.

—
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украины.

—
О, если бъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украина.

—
Но независимой державой
Украинѣ бытъ уже пора.

—
Тиха украинская ночь.

Теперь приходят эти стихи, какъоказательство, что
Пушкинъ признавалъ существование особой страны—Украины
отдельной отъ русской народности—украинской. Но въ той же
столтавъ можно найти и иные стихи:

Предъ буячукомъ и булавой
Малороссийского владыки.

И Малороссія печальной
Освобождались ужъ полки.

Выбирая то или другое имя—Малороссія или Украина,—
онъ руководствовался, главнымъ образомъ, требованіями сти-
лопоженія. Сущность его исторического взгляда другая: онъ лю-
билъ тою единую могучую Русью, какую выковала историче-
ская судьба.

Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпевъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій мѣсть,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Въ первой четверти XIX вѣка появилась особая „украин-
ська“ школа польскихъ ученыхъ и поэтовъ, давшая чрезвычайно
активныхъ представителей К. Свядзинскій, М. Грабовскій, Э.
Ликовскій, А. Мальчевскій, С. Гощинскій, Б. Зілескій и многие
другие продолжали развивать начала, заложенные гр. Я. Потоц-
кимъ и О. Чицкимъ, и подготовили тотъ идеальный фундаментъ,
которому создалось зданіе современного намъ украинства.
Своими корнями украинская идеология вросла въ польскую
землю.

Теперь возлухъ насыщенъ украинскимъ туманомъ. Но все-
таки глядѣть отовсюду Малая, исконная Русь, и сияеть золоты-
е куполами Киевъ. А старый кievлянинъ М. А. Максимовичъ
говоритъ такъ: „Никуда не притекаетъ Россія отъ востока и
запада, отъ сѣвера и юга своего, для молитвы и святыхъ
поминаній, кроме Киева. Цѣлья тысячи русскихъ, отложивъ
старое попеченіе, идутъ набожно поклониться первымъ пра-
вникамъ—святымъ угодникамъ Печерскимъ и святой главѣ

патриархопольного пресвѣтителя Россіи: идуть посывать на тѣ святыни мѣстахъ. Откуда идетъ русская земля,—у той величественной рѣки, гдѣ приняла она святое крещеніе,—на тѣхъ рѣахъ и у долинахъ, гдѣ раскрывалась богатырская юность ея гдѣ древняя живьи Руси оставила вамиъ нетленныя мощи пѣвца поборниковъ изшаго православія да живое слово преда—въ завѣтѣ будущаго своего величія... И нигдѣ такъ живо чувствуешь древняго величія Руси, какъ въ Кіевѣ, глядя на святыя храмы и высоты прекрасныя. Источникъ нашей древней жизни—Кіевъ есть и главное мѣсто живѣвшихъ о ней воспоминаний, главный хранитель нашего прпшедшаго.“

По новѣйшимъ діалектологическимъ изслѣдованіямъ, русскій языкъ имѣетъ 19 говоровъ, отличающихся другъ отъ друга произнѣшеніемъ звуковъ, и словарными особенностями. Повторилось бы столпотвореніе вавилонское, если бы на оснѣвъ подобъ въ каждомъ изъ говоровъ несходнаго съ другими и пополнене велестающаго изъ иностранныхъ языковъ образовалось 19 литературныхъ языковъ и 19 мѣстныхъ литературы. Всякая культура слѣдалась бы невозможна. О неограниченномъ господствѣ нарицай мечталъ только австрославистъ Копитаръ, который ненавидѣлъ Россію и всегда отзывался о ней рѣако и несправедливо желая ей успѣховъ не только въ подвигахъ военно-политическихъ, но даже въ области литературы и науки. Мечты Копитара не сбылись, и живъ еще великий и богатый литературныи русскій языкъ. А разъ живъ Кіевъ, и живъ русскій языкъ, то наши надежды еще не потеряны. Украинскій туманъ долженъ разсѣяться, и русское солнце взойдетъ!

Кіевъ, 1918 г.

А. Стороженко.

Теперь приходять эти стихи, какъ доказательство, что Пушкинъ признавалъ существование особой страны—Украины и отдельной отъ русской народности—украинской. Но въ той же "Полтавѣ" можно найти и иные стихи:

Предъ буячукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки.

И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки.

Выбирая то или другое имя—Малороссія или Украина,—поэтъ руководствовался, главнымъ образомъ, требованиемъ стиля и расположения. Сущность его исторического взгляда другая: онъ доводился тою единою могучею Русью, какую выковала историческая ся судьба.

Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій мать,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Въ первой четверти XIX вѣка появилась особая „украинская“ школа польскихъ ученыхъ и поэтовъ, давшая чрезвычайно блестливыхъ представителей К. Святзинскій, М. Грабовскій, Э. Руниковскій, А. Мальчевскій, С. Гощинскій, Б. Залескій и многие другие продолжали развивать начала, заложенные гр. Я. Потоцкимъ и Ф. Чатцкимъ, и подготовили тотъ идеинный фундаментъ, которому создалось зданіе современного намъ украинства. Своими корнями украинская идеология вросла въ польскую почву.

Теперь возлукъ насыщенъ украинскимъ тумазомъ. Но все-таки глядить отовсюду Малая, исконная Русь, и сияеть золотыни куполами Киевъ. А старый кievлянинъ М. А. Максимовичъ говоритъ такъ: „Никуда не притекаетъ Россія отъ востока и запада, отъ сѣвера и полуночья своего, для молитвы и святынь воспоминаній, кроме Киева. Цѣлья тысячи русскихъ, отложивъ чистейское попеченіе, идутъ набожно поклониться первымъ праздникамъ—святымъ угодникамъ Печерскимъ и святой главѣ

православного прорвѣтия Россіи: идутъ посыпать на тѣхъ святыхъ мѣстахъ, откуда идетъ русская земля,— у той величественныи рѣки, гдѣ принялъ она святое крещеніе,— на тѣхъ горахъ и удольяхъ, гдѣ раскрывалась богатырская юность ея гдѣ древняя жизнь Руси оставила вамъ нетленныи мости певыхъ поборниковъ изшего православія да живое слово преданіе— въ завѣтѣ будущаго своего величія... И нигдѣ тѣкъ живо и чувствуешь древняго величія Руси, какъ въ Киевѣ, глядя на егъ святые храмы и высоты прекрасныя. Источникъ нашей древнеї жизни—Кievъ есть и главное мѣсто живѣйшихъ о ней воспоминаний, главный хранитель нашего пршедшаго.“

По новѣйшимъ діалектологическимъ изслѣдованіямъ, русскіи языки имѣть 19 говоровъ, отличающихся другъ отъ друга произнисшеніемъ звуковъ, и словарными оссбенностями. Повторилось бы столпотвореніе вавилонское, если бы на оснсвѣ подбора въ каждомъ изъ говоровъ несходнаго съ другими и пополненіи ведающаго изъ иностраннѣыхъ языковъ образовалось 19 литературныхъ языковъ и 19 мѣстныхъ литературъ. Всякая культуры слѣдалась бы невозможна. О неограниченномъ господствѣ нарѣчій мечталъ только австрославистъ Копитаръ, который ненавидѣлъ Россію и всегда отзывался о ней рѣзко и несправедливо; не желая ей успѣховъ не только въ подвигахъ военно-политическихъ, но даже въ области литературы и науки. Мечты Копитара не сбылись, и живъ еще великий и богатый литературный русскій языкъ. А разъ живъ Kievъ, и живъ русскій языкъ, то наша надежды еще не потеряны. Украинскій туманъ долженъ разсѣяться, и русское солнце взойдетъ!

Кievъ, 1918 г.

Р. Староженко.